

К 250-летию Н.М. Карамзина и 225-летию князя П.А. Вяземского

Д.П. Ивинский

Пометы кн. П.А. Вяземского на полях «Писем русского путешественника»

Аннотация: В статье публикуются, датируются и сопровождаются кратким комментарием пометы П.А. Вяземского на полях второго тома трехтомного собрания сочинений Н.М. Карамзина, в который вошли «Письма русского путешественника».

Ключевые слова: Карамзин, Вяземский, А.С. Шишков, Руссо, Вольтер, Лозанна, Женева

Abstract: The article provides insights into the notes by count Pyotr Vyazemsky in the margins of “The Letters of the Russian Traveller” from the second volume of “Selected Works by Nikolay Karamzin”.

Key words: Karamzin, Vyazemsky, A. Shishkov, Rousseau, Voltaire, Lausanne, Genève

В открывающей 24-ю (по нумерации Н.П. Барсукова) записную книжку недатированной заметке, посвященной Карамзину и его «Письмам русского путешественника», Вяземский писал: «Когда бываю за границей, беру всегда с собой *Письма* Карамзина и перечитываю многие из них с особенным наслаждением. Люблю отыскивать, угадывать следы его, разумеется, давно стертые с лица земли. Поколения сменили поколение, которое он застал и видел. Гостиницы исчезли. Все приняло новый вид» (Вяземский, 10: 176–177).

Публикуемые ниже пометы Вяземского на полях второго тома «смирдинского» издания сочинений Карамзина, в который вошли «Письма русского путешественника» (Карамзин 1848, 2), могут рассматриваться как иллюстрация к этому признанию, впрочем более или менее случайная и отнюдь не исчерпывающая заявленную Вяземским тему его путешествий с «Письмами...».

Этот том, находящийся ныне в ОР РГБ (ф. 63, оп. 1, ед. хр. 2), является, по-видимому, свидетельством нереализованного замысла, заключавшегося в создании развернутого комментария к «Письмам...», который отразил бы путевые впечатления самого Вяземского, соотнесенные с текстом Карамзина; иначе говоря, это должно было быть *путешествие* с книгой о *путешествии* в руках, сочетавшее литературу и жизнь в движении времени, так сильно изменившего европейскую жизнь со времен Карамзина.

О том, что такого рода замысел действительно существовал, свидетельствует проделанная со «смирдинским» томом подготовительная работа: в книгу были вплетены белые листы бумаги, обрезанные по формату тома, очевидным образом предназначавшиеся для заметок по ходу чтения в пути.

Заметок этих, однако, оказалось немного: несколько подчеркиваний в тексте и отчеркиваний на полях и еще меньше текстовых маргиналий, всегда предельно лаконичных¹.

Ключевая проблема, связанная с пометами Вяземского на «Письмах...», конечно, их датировка. В томе, обсуждаемом здесь, нет никаких датирующих признаков (кроме, разумеется, даты цензурного разрешения: 21 мая 1847 г. и даты на титульном листе: 1848 [Карамзин 1848, 2: II–III]).

Но косвенные указания, которыми можно воспользоваться, имеются.

Во-первых, если действительно Вяземский читал «Письма...» в пути, он, скорее всего, должен был делать это, «координируя» собственные перемещения с маршрутом Карамзина; следовательно, естественно предположить, что страницы «Писем...», посвященные Лозанне, читались Вяземским в Лозанне, а женевские в Женеве. Принимая эту нехитрую логику, просматриваем его пометы на «Письмах...» с соответствующей точки зрения и получаем предполагаемый маршрут его: из Лозанны в Женеву.

Во-вторых, в заметке, печатаемой ниже под номером <22>, сообщается о том, что Вяземский читал у Карамзина о происшествии, случившемся в месте впадения Арвы (Арва, Arve) в Рону (Rhône), через несколько дней после того, как сам там побывал. Так мы получаем недвусмысленное подтверждение нашего предположения о синхронизации Вяземским чтения Карамзина и своих поездок, а вместе с тем и возможность точной датировки предпоследней пометы Вяземского. 1 / 13 июня 1859 г., на следующий день после приезда в Женеву, он записывал в своей дорожной «книжке»: «Вчера был в театре. Les pauvres de Paris. La canaille est honnête et les honnêtes gens sont de la canaille. Вот тема. Ездили вечером к месту, называемому la Jonction, где сливается Рон и Арва, но сохраняют свой цвет. Вот что должно быть с Польшею и Россиею. Не требовать, чтобы Польша уничтожалась пред Россиею, а довольствоваться тем, чтобы она слилась с нею и рядом текла. Прелестное местоположение» (Вяземский, 10: 226).

Итак, последние записи и пометы вносились Вяземским в книгу в первых числах июня 1859 г.

Установив это, мы можем определить нижнюю границу датировки. В Лозанну Вяземский прибыл 18 октября 1858 г., а во время пути читал «Письма...», о чем записал на следующий день: «18. Приехали в Лозанну. 19. Дорогою читал *Письма Русского Путешественника*» (Вяземский, 10: 213). Дополнительным аргументом в пользу такой датировки служит упоминание Вяземского о смерти Луи Левада, случившейся «лет за 20», а именно 2 августа 1839 г. (см. ниже текст под № <4> и примеч. к нему)².

Заметки и отметки Вяземского могут быть разделены на несколько групп, границы которых, конечно, не являются слишком жесткими. Первая: здесь фиксируются те реалии из числа упомянутых в «Письмах...», в существовании или исчезновении которых он решил убедиться (<2>, <3>, <4>, <6>, <8>, <11>, <14>, <17>; возможно, также <5>); только один раз Вяземский «опередил» Карамзина, явившись к месту соединения Арвы и Роны до того, как прочел о нем в «Письмах» (<22>). Вторую составляет все то, что касается лексики и фразеологии «Пи-

сем...» (<1>, <10>, <12>, <15>, <18>, <21>). Третья – полемические, уточняющие или оценочные замечания, отнюдь не свидетельствующие, конечно, о намерении Вяземского пересмотреть высокий культурный статус «Писем...»; одна касается года рождения Карамзина (<13>), другая – его оценки стихов Скюдери и границ возможностей Карамзина как поэта (<16>), последняя содержит апологетическую оценку мастерства его как рассказчика (<23>). Наконец, четвертая связана с темами Руссо и Женевской республики, а вместе с тем, прямо или косвенно, с занимавшим Вяземского непростым вопросом о соотношении «руссоизма» и «вольтерьянства» Карамзина (<9>, <10>, <14>, <17>, <18>, <19>, <20>).

* * *

Все публикуемые пометы сопровождаются указаниями на страницы печатного издания и листы по архивной нумерации; если приводится только последняя, это означает, что помета была сделана на вpletенном в книгу листе. Подчеркивания в тексте и отметки на полях делались, в основном, карандашом, все текстовые заметки – чернилами. Карандашные пометы на полях двух типов – вертикальные линии (ниже передаются словом *отчеркнуто*) и отметки крестиком (ниже передаются словом *отмечено*). Во всех случаях сначала дается текст Карамзина, затем, если имеется, – текст Вяземского, после межстрочного интервала.

<1>

Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? (с. 1, л. 22).

В 1-м издании было, кажется потребностью души моей. Шишков в Старом и новом слоге критиковал это выражение и говорил, что надобно было бы сказать вожделением, или что-то этому подобное³ (слова Жуковского о Шишкове⁴ и сравнение его с луженою посудой⁵) (с. XII, л. 21 об.).

<2>

Мне хотелось остановиться в трактире *Золотого льва*; но на стук мой отвечали так: tout est plein. Monsieur, tout est plein! (все занято, государь мой, все занято). Я постучался в другом трактире, à la Couronne, но и там отвечали мне: tout est plein. <...> C'est impertinent ça (это бесстыдно!) сказал мой заступник: «подите за мною в трактир *Оленя*, где вас верно примут» (с. 297–298, л. 242–242 об. против названий каждого из трех трактиров на полях сделана отметка карандашом).

<3>

Друзья мои! когда Судьба велит вам быть в Лозане, то взойдите на террасу кафедральной церкви, и вспомните, что несколько часов моей жизни протекло тут в удовольствии и тихой радости! (с. 299, л. 244; отчеркнуто на полях карандашом и чернилами)⁶.

<4>

У меня было письмо к Г. Леваду⁷ (Натуралисту и Автору разных пьес, напечатанных в сочинениях Лозанского Ученого Общества). Дом и сад мне очень полюбили; в последнем встречаются глазам Латинские, Французские и Английские надписи, выбранные из разных Поэтов (с. 299, л. 244; отмечено на полях вертикальной чертой карандашом и горизонтальной чернилами).

Принадлежит теперь Mr Bugnion⁸, банкиру наследнику Леваду, который умер в преклонной старости лет за 20. – Дом перестроен – и разумеется, все надписи исчезли (л. 243 об.).

<5>

<...> восходящее солнце осветило меня первыми лучами своими. Это утро было одним из лучших в моей жизни! (с. 300, л. 244 об.; отчеркнуто на полях карандашом).

<6>

Вместе с Гм. Левадом был я в Café littéraire, где можно читать Французские, Немецкие и Английские журналы (с. 300, л. 244 об.; отчеркнуто на полях карандашом).

<7>

Здесь поселился наш соотечественник, Граф Григорий Кирилович Разумовский, ученый Натуралист⁹ (с. 301, л. 246; отчеркнуто на полях карандашом).

<8>

Сию минуту пришел я из кафедральной церкви. Там из черного мрамора сооружен памятник Княгини Орловой, которая в цветущей молодости скончала дни свои в Лозане, в объятиях нежного, неутешного супруга (с. 301, л. 246; отчеркнуто на полях карандашом).

<9>

Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенными во мне сими предметами, зная как я люблю Руссо, и с каким удовольствием читал с вами его Элоизу! (с. 304, л. 248 об.; отчеркнуто на полях карандашом).

<10>

Кто будучи в Женевской Республике, не почтен за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из Писателей нашего века (с. 318, л. 261 об.).

Должность, что-то странно¹⁰ (л. 262).

<11>

Не помню, писал ли я к вам, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue № 17 (с. 324, л. 268 об.; подчеркнуто и отмечено карандашом на полях).

<12>

Уже волны Тунского озера помчали лодку на влажных хребтах своих – или, просто сказать, они плыли и начинали мало помалу разговаривать (с. 328, л. 272 об.).

«Волны качали лодку на влажных хребтах своих» – поэтическое и верное выражение¹¹ – здесь же изысканное, потому что за тем следует: или просто сказать (л. 273).

<13>

Ныне минуло мне двадцать три года! (с. 337, л. 283).

Кажется, после объяснилось, что это ошибочно, и что он был годом старше или моложе¹² (л. 282 об.).

<14>

В здешней маленькой Республике начинаются несогласия. Странные люди! живут в спокойствии, в довольстве, и все еще хотят чего-то! (с. 342, л. 287 об.; подчеркнуто и отчеркнуто на полях карандашом).

И до ныне все то же. Все еще бушует буря в стакане¹³ (л. 288).

<15>

Скоро сделалась страшная вьюга, и белая тьма совсем лишила меня зрения (с. 359, л. 307; подчеркнуто и отмечено на полях карандашом).

<16>

Известный Скюдери сочинил тогда следующие стихи (поднесенные им самой сестре Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la France admire,
Semble déposer contre vous.
L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,
*Vit finir ses jours à la guerre*¹⁴,
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort. –

(с. 365, л. 313; стих, набранный курсивом, отмечен карандашом на полях).

Любопытное замечание – а между тем у Карамзина много найдется таких прозаических стихов¹⁵ (л. 313 об.).

<17>

Недавно был я на острове С. Петра, где величайший из писателей осьмого-надесять века укрывался от злобы и предрассуждений человеческих, которые, как Фурии, гнали его из места в место (с. 366, л. 313 об.; отчеркнуто на полях карандашом и отмечено карандашом рядом на вpletенном л. 314).

<18>

В лодке лежал старец почтенного вида, в Азиатской одежде; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомыслие, приятную задумчивость (с. 367, л. 316; подчеркнуто карандашом).

Известно, что Ж.<ан>Ж.<ак> носил одежду в роде армянской. – Отчего же армянской?¹⁶ (л. 315 об.).

<19>

«<...>заклучите меня на сем острове, если вы думаете, что дыхание мое для вас ядовито! Но перестаньте гнать несчастного! Лишите меня дневного света, и

только в ночное время позвольте мне бедному вздохнуть на свежем воздухе!»). Нет, слабый старец должен проститься с любезным своим островом – и после того говорят, что Руссо был мизантроп! Скажите, кто бы не сделался таким на его месте? Разве тот, кто никогда не любил человечества! (с. 368, л. 316 об.; весь этот текст отчеркнут на полях карандашом).

<20>

Видно, что Карамзин гораздо более сочувствовал Руссо нежели Вольтеру¹⁷ (л. 317).

<21>

Я сидел в задумчивости, и вдруг увидел молодого человека, который, нахлучив себе на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мне приближался; в руках была у него книга (с. 368, л. 316 об.; подчеркнуто и отмечено на полях карандашом).

нахлучив?¹⁸ – (л. 317).

<22>

Там, где дикая Арва сливается с зеленою Роною, прогуливались два чужестранца, и разговаривали о жизни человеческой. Быстро, быстро течет она! сказал один из них, взглянул на стремительную Рону, и увидел – несущееся тело; большой камень остановил его (с. 378, л. 326).

Вероятно то место, которым я на днях так любовался и которое зовут здесь la Jonction (л. 327).

<23>

Причина, для чего Аббат возненавидел жизнь, по сие время неизвестна (с. 279, л. 329; отмечено карандашом на полях).

Мастерски написанный рассказ (л. 328).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Другое дело, что не все европейские наблюдения Вяземского, связанные им с Карамзиным и его «Письмами...», нашли отражение в этих пометах; ср., напр., заметку, сделанную в записной книжке вскоре после отъезда из Лиона в 1858 г.: «После Карамзина в Лионе протекло много крови и воды. Ужасы революции, бунты при Луи-Филиппе, наводнения» (Вяземский, 10: 215).

² Между серединой октября 1858 и началом июня 1859 г. был еще целый ряд поездок: уже 23 октября Вяземский приехал в из Лозанны в Женеву, 11 ноября из Женевы приехал в Лион, 13 ноября – в Марсель, 18 ноября выехал в Ниццу, 20-го, пообедав в Каннах, к вечеру прибыл в Ниццу, где остался надолго, регулярно выбираясь в Канны, а также по одному разу в Геную и в Турин, 15 мая 1859 г. выехал, а 16-го приехал в Марсель, чтобы 18-го выехать из него и ночевать в Арле, а 19-го приехать в Авиньон; затем последовали Ним, Монпелье, опять Ним, затем Лион, из которого Вяземский вернулся в Женеву не позднее 31 мая / 12 июня (Вяземский, 10: 213–226).

³ Ср.: «Свойственно ли по-Русски говорить: потребность души моей, и можно ли путешествие называть потребностью, надобностью, или нуждою души? Если Сочинителю мало показалось сказать: когда я любил путешествовать, то мог бы он премногими другими сродными языку нашему оборотами речь сию выразить, как например: когда душа моя питалась, услаждалась путешествиями; или когда путешествие было единым

из вожденнейших желаний моих, и тому подобными» (Шишков 1813: 171; в изд. 1824 г. данная рекомендация отсутствует, ср.: Шишков, 2: 143).

⁴ Установить, какое именно из многочисленных суждений Жуковского о Шишкове припомнилось в этом случае Вяземскому, не представляется возможным. Однако рискнем предположить, что Вяземский имел в виду ставшее ему известным и запомнившееся особо суждение Жуковского о Шишкове, высказанное еще в письме к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.: «Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольников в литературе; мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками» (Жуковский 1895: 63). Ср. в последней записной книжке Вяземского среди набросков 1876 г.: «Шишков был не столько консерватор, сколько старовер. Он мыслил и писал двуперстно...» (Вяземский, 10: 288). О Жуковском и Шишкове см., в частности: Канунова, Янушкевич 1978; ср. лаконичный опыт обсуждения некоторых аспектов эволюции отношения Вяземского к Шишкову: Киселева 2007: 139.

⁵ Это сравнение принадлежит И.А. Крылову, что засвидетельствовано самим Вяземским, ср.: «Крылов говорил о Шишкове, как литераторе: следовать примерам его не должно, а пользоваться иными критиками его может быть полезно. Крылов обычно одевал мысль свою обликом аполога. Шишков в этом отношении, продолжал он, похож на человека, который доказывал бы, как опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду, и стал бы советовать чаще лудить ее суриком. Мы видим из общей истории, что встречаются преобразователи, к которым можно вполне применить аполог Крылова» (Вяземский, 8: 197; ср.: Вяземский 1963: 270; см. также: Крылов 1982: 180, 421–422). Шутка Крылова получила широкое распространение, ср. фрагмент о Мицкевиче в записках К.А. Полевого: «Он не мог без смеха вспомнить, например, что Крылов сказал ему о Шишкове: “У этого человека ум вот какой: можно иногда послушаться его, когда он не советует чего-нибудь; но боже сохрани делать то, что он советует!”» (Полевой 1934: 208–209; то же: Крылов 1982: 184).

⁶ В заметке о «Письмах русского путешественника» Вяземский приводит тот же фрагмент и прибавляет: «Я исполнил желание его» (Вяземский, 10: 176).

⁷ Имеется в виду Луи Левад (Levad, Louis), 14.3.1748 – 2.8.1839, фармацевт, член многих ученых обществ, один из основателей Общества физических наук Лозанны (Société des Sciences Physiques de Lausanne, 1783–1790), хорошо знакомый и сотрудничавший, в рамках деятельности этого общества, с гр. Г.К. Разумовским (см. ниже, № <7>). На периферии культурной памяти Лозанны зафиксирован факт приглашения Левада «к русскому двору» (Gazette de Lausanne et Journal Suisse. 1939. № 210. P. 2) в качестве медика, в 1774–1775 гг. пользовавшегося гр. В.Г. Орлова (1743–1831), директора Академии наук в 1766–1774 гг. С последним Карамзин был хорошо знаком, во всяком случае известно, что он входил в круг его постоянных посетителей с 1813 г. (Орлов-Давыдов 1878, 2: 219); если допустить возможность отнести начало их общения к более раннему времени и наличие ряда общих знакомых (небезынтересно, например, что домашним воспитателем сына Орлова Александра был И.И. Шварц, лекции которого Карамзин слушал в Московском университете) и принять во внимание апологетическое отношение Орлова к Карамзину-литератору, а также короткое знакомство Орлова с И.И. Дмитриевым (Иванчин-Писарев 1831: 195), то вполне закономерным окажется предположение о том, что именно Орлов снабдил Карамзина письмом к Леваду. Вяземский был знаком с сыном Орлова графом Владимиром Григорьевичем (1777–1826) (Вяземский, 9: 78–79; более точный текст: Вяземский 1963: 123–124; см. также: АБТ, 6, 33–34) и внуком Орлова, автором только что упомянутой книги о нем, В.П. Орловым-Давыдовым (1809–1882) (Вяземский, 10: 254; письма Орлова-Давыдова к Вяземскому: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2482). Во всяком случае семья Орловых была частью той среды, к которой принадлежали Карамзин и Вяземский; неслучайно последний отмечает ска-

занное первым о печальной судьбе гр. Е.Н. Орловой (1758–1781), жены гр. Г.Г. Орлова (1734–1783), скончавшейся в Лозанне (см. ниже, № <8>).

⁸ Имеется в виду Шарль-Жюст Буньен (Bugnion, Charles-Juste) (1811–1897), банкир и энтомолог, собравший обширную библиотеку по этой отрасли знания.

⁹ Гр. Г.К. Разумовский (1759–1837). О его жизни в Лозанне: Семейство Разумовских, 2: 174–184.

¹⁰ Так во всех прижизненных изданиях; слово «должность» в «Письмах...» встречается неоднократно (Карамзин 1987: 55, 65, 85, 109, 143, 157, 158 [текст, который цитирует Вяземский], 163, 198, 201, 292, 328, 382). Близкое соседство заметок, относящихся к фрагментам «Писем...», посвященным Руссо и Вольтеру, конечно не случайно: размышляя об отношении Карамзина к Руссо и Вольтеру, Вяземский очень хорошо понимал, что история борьбы Вольтера с Руссо отразила целый ряд существенных внутренних конфликтов в «идеологии просвещения», отнюдь не потерявших своего значения в XIX в. Показательно, что именно в той записной книжке 1858–1859 г., которая отразила интересующий нас здесь сюжет путешествия с «Письмами...» в руках, тема Руссо принадлежит к числу существенных (см., в частности: Вяземский, 10: 224) и при этом смыкается с темой Вольтера: 2 июня 1859 г., на второй или третий день после приезда в Женеву, Вяземский отправляется в Ферней, а 3 июня пишет о статье о Вольтере (Вяземский, 10: 227), которая открывается только что приведенной цитатой из «Писем...», после чего Вяземский поясняет, чем именно заинтересовало его подчеркнутое им слово «должность»: «"Кто, будучи в Женевской республике, не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?"»

В этих словах Русского Путешественника поразило меня слово должность. Теперь сказали бы мы долг, или обязанность. Конечно, лестно самолюбию каждого писателя отыскать неправильное выражение в Карамзине, как всякому астроному отыскать пятнышко в солнце. Это доказывает, что глаза хороши и телескоп хорош. Но полно пятнышко ли это? С Карамзиным надобно быть осторожным, он слова употреблял не наугад. Может быть, выражение Карамзина и правильно, и в духе языка нашего. Долг и должность имеют не одно значение. "Отпусти нам долги наши!" Тут не заменишь слово долги словом должность, равно как и в смысле долга, не лежащего на должнике. Слово обязанность было бы ближе к делу. Теперь выражение должность приняло исключительно официальное и служебное значение.

Как бы то ни было, и я почел за приятную обязанность или должность побывать еще раз в Фернее» (Вяземский, 7: 52).

¹¹ Выражение это, в отдаленной русской языковой перспективе восходящее к письменным памятникам средневековья (Срезневский, 3: 1409), оказалось востребовано многими литераторами, в т.ч. В.Б. Броневским («Записки морского офицера» [1819]), М.Ю. Лермонтовым («Герой нашего времени» [1840]), И.А. Гончаровым («Два случая из морской жизни» [1858]), С.В. Максимовым («Белое море и его побережья» [1858]), М. Горьким («Челкаш» [1895]), А.А. Блоком («Поэзия заговоров и заклинаний» [1908]), О.Э. Мандельштамом («Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» [1935]) – и самим Вяземским («Ухабы. Обозы» из цикла «Зимние карикатуры» [1828]).

¹² В первых публикациях текста, о котором идет речь, фигурировали «двадцать четыре года» (см. подробнее: Карамзин 1987: 434), а исправление было внесено по распоряжению Карамзина в текст изд. 1814 г. (Карамзин 1814, 3: 256) и сохранено в изд. 1820 г., ставшим третьим и последним прижизненным (подробнее: Погодин 1866: 429). 1765 г. датировали рождение Карамзина Н.И. Греч (Греч 1822: 277) и особенно настойчиво М.А. Дмитриев (в т.ч.: Дмитриев 1869: 65–66).

¹³ Основные особенности общественной жизни Женевской республики Вяземский понимал, но интересовался ею мало. Ср., впрочем, в его записной книжке заметки от 4

ноября 1859 г. о некоторых ее эпизодах, вполне соответствующих его словам о «буре в стакане»: Вяземский, 10: 213–215.

¹⁴ Сей стих можно поставить в пример слабых и непитетических стихов (курсив и примечание Н.М. Карамзина).

¹⁵ Ср. в статье Вяземского «Стихотворения Карамзина» (1866): «Он был поэт по чувству, по краскам и нередко по содержанию стихотворений своих; но не по внешней отделке. Стихотворец в нем, так сказать, не по силам поэту» (Вяземский, 7: 148).

¹⁶ Описка Вяземского; должно быть: азиатской. Отметим, что между лл. 315 об. и 316 вложен листок бумаги, естественным образом не учтенный в архивной пагинации и представляющий собой часть листа обычной школьной тетрадки советского времени, на котором синими чернилами, выпускавшимися в 1950–1970-е гг., написано следующее (сохраняем особенности пунктуации): «Видимо Вяземский, второй раз написал “армянской” ошибочно. Предполагаю, что надо читать так: “известно, что Ж. Ж. носил одежду в роде армянской. – Отчего же «азиатской»?». Мы полностью согласны с нашим предшественником, оставшимся нам неизвестным.

¹⁷ Ср. о «любви» Карамзина к Руссо в записной книжке 1858 г.: «Нельзя в Женеве не думать о Руссо. Карамзин посвятил ему несколько красноречивых страниц в своих письмах. Не сочувствуя многим политическим и религиозным мнениям Руссо, Карамзин любил его и много имел с ним общего» (Вяземский, 10: 183–184).

¹⁸ Так во всех прижизненных изданиях, ср.: Карамзин, 4: 25; то же: Карамзин 1987: 182. Ср. другой фрагмент «Писем...» с таким же написанием этого слова: Карамзин, 2: 162 (в этом случае в изд. Карамзин 1987 «нахлучив» было исправлено на «нахлобучив»).

ЛИТЕРАТУРА

- АБТ – Архив братьев Тургеневых. Вып. 1–6. СПб., 1911–1921.
- Васильчиков – *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 1–5. СПб., 1880–1894.
- Вяземский – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
- Вяземский 1963 – *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. 508 с.
- Греч 1822 – [*Греч Н.И.*] Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. 328 с.
- Дмитриев 1869 – *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти / Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. М., 1869. 300 с.
- Жуковский 1895 – Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Издание «Русского архива» по подлинникам, хранящимся в Императорской публичной библиотеке. М., 1895. 322 с.
- Иванчин-Писарев 1831 – [*Иванчин-Писарев Н.Д.*] О Графе Владимире Григорьевиче Орлове // Литературная газета, 1831. № 24. С. 194–196.
- Канунова, Янушкевич 1978 – *Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель и критик А.С. Шишкова // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 105–123.
- Карамзин – *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 1–8. М., 1803–1804.
- Карамзин 1814 – *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 1–9. 2-е изд., исправленное и умноженное. М., 1814.
- Карамзин 1848 – *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 1–3. СПб.: Издание Александра Смирдина, 1848.
- Карамзин 1987 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. 717 с.

Киселева 2007 – *Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137–147.

Крылов 1982 – И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. 503 с.

Орлов-Давыдов – *Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк Графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1–2. СПб., 1878.

Погодин 1866 – *Погодин М.П.* О годе рождения Карамзина: (К М.А. Дмитриеву) // Утро: Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866. С. 429–432.

Полевой 1934 – Николай Алексеевич Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX века. Л., 1934. 540 с.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Шишков – *Шишков А.С.* Собр. соч. и переводов. Ч. 1–17. СПб., 1818–1839.

Шишков 1813 – *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1813. 437 с.

REFERENCES

- AbT – Turgenev Brothers' Archive. Iss. 1–6. St.-Petersburg. 1911–1921.
- Vasilchikov – Vasilchikov A.A. The Razumovsky Family. Vols. 1–5. St.-Petersburg. 1880–1894.
- Vyazemsky – Vyazemsky P.A. The Complete Works. Vols. 1–12. St.-Petersburg, 1878–1896.
- Vyazemsky 1963 – Vyazemsky P.A. Notebooks (1813–1848). Moscow. 1963. 508 p.
- Grech 1822 – [Grech N.I.] A Short History of Russian Literature. St.-Petersburg. 1822. 328 p.
- Dmitriev 1869 – Dmitriev M.A. The Trifles from the Reserves of My Memory. 2nd ed. Moscow. 1869. 300 p.
- Zhukovsky 1895 – V.A. Zhukovsky's Letters to Alexander Ivanovich Turgenev. Moscow. 1895. 322 p.
- Ivanchin-Pisarev 1831– [Ivanchin-Pisarev N.D.] On Count Vladimir Grigorevich Orlov. *Literaturnaya Gazeta*. 1831. No 24, pp. 194–196.
- Kanunova, Yanushkevich 1978 – Kanunova F.Z., Yanushkevich A.S. V.A. Zhukovsky as the Reader and the Critic of A.S. Shishkov. In: V.A. Zhukovsky Library at Tomsk. Part 1. Tomsk. 1978, pp. 105–123.
- Karamzin – N.M. Karamzin. The Collected Works. Vols. 1–8. Moscow. 1803–1804.
- Karamzin 1814 – Karamzin N.M. The Collected Works. 2nd ed. Vols. 1–9. Moscow. 1814.
- Karamzin 1848 – Karamzin N.M. The Collected Works / Ed. by Alexander Smirdin. Vols. 1–3. St.-Petersburg. 1848.
- Karamzin 1987 – Karamzin N.M. The Letters of the Russian Traveler. Leningrad. 1987. 717 p.
- Kiseleva 2007 – Kiseleva L.N. Dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Russia. In: «On the Boundary between the Voice and Echo»: Collection of articles in honor of Tatyana Vladimirovna Tsivyan. Moscow. 2007, pp. 137–147.
- Krylov 1982 – I.A. Krylov in the Memoirs of his Contemporaries. Moscow. 1982. 503 p.
- Orlov-Davydov – Orlov-Davydov V.P. A Biographical Sketch on Count Vladimir Grigoryevich Orlov. Vols. 1–2. St.-Petersburg. 1878.

Pogodin 1866 – Pogodin M.P. The Year of Karamzin’s Birth: (To M.A. Dmitriev). In: Utro: The Literary and Political Collection Published by M. Pogodin. Moscow. 1866, pp. 429–432.

Polevoy 1934 – Nikolay Alekseevich Polevoy. Materials on the History of Russian Literature and Journalism of the 1830’s. Leningrad. 1934. 540 p.

Sreznevsky – Sreznevsky I.I. Written Records-based Materials for the Old Russian Dictionary. Vols. 1–3. St.-Petersburg, 1893–1912.

Shishkov – Shishkov A.S. The Collected Works and Translations. Parts 1–17. St.-Petersburg, 1818–1839.

Shishkov 1813 – On the Old and New Style of the Russian Language. St.-Petersburg. 1813. 437 p.

Сведения об авторе:
Дмитрий Павлович Ивинский,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Dmitry P. Ivinsky,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dmitrij_ivinskij@mail.ru

**COUNT PYOTR VYAZEMSKY’S MARGINALIA
ON “THE LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELLER” BY N.M. KARAMZIN**